

*Протоиерей Владимир Коцаба,
преподаватель КДАиС*

**О некоторых аспектах
распространения Брестской
церковной унии в Польско-
Литовском государстве**

Одним из наиболее печальных и трагических событий в церковной истории является факт отпадения Римской Церкви от Церкви Вселенской в 1054 году. Дальнейший ход исторических перипетий, приведший к неограниченной власти Римских пап в средневековой Западной Европе (впервые задекларированной в тексте 27 пунктов программы понтификата Григория VII (1073–1085 гг.), известной под названием «Диктат папы» (*Dictatus papae*)), как свидетельствует история, к великому сожалению, делал невозможным объединение Церквей в духе подлинной христианской братской любви. По причине папских притязаний на главенство над христианским миром, все попытки воссоединения Церквей, которые предпринимались, не имели в своей основе тех связующих начал, которые могли бы послужить их внутреннему, духовному единству.

Прямым следствием догматических отступлений Римской Церкви является практически не прекращающаяся многовековая католическая экспансия. Учение об особом месте Римской кафедры и особой власти папы породило в католицизме убеждение в том, что Римский понтифик наделен высшей властью в Церкви, которая имеет такой характер, что невозможно кому бы то ни было оставаться членом Церкви вне иерархического подчинения папе. Отсюда следует вывод о том, что без этого основного условия невозможно спасение, и, следовательно, миссия Католической Церкви заключается в подчинении всех христиан власти папы. Вследствие такой эксклюзивной еkkлeзиологии католицизма и была выдвинута доктрина об особом миссионерском призвании Католической Церкви не только в отношении проповеди Евангелия, но и в отношении восстановления христианского единства, которое понимается Римом как возвращение всех отделенных от Католической Церкви христианских сообществ под власть папы. При этом воссоедине-

ние с Римским престолом рассматривается католиками не только как акт восстановления церковного общения, но и как единственно возможный способ достижения спасения. Поместная Церковь, возглавляемая собственным епископом и не пребывающая в общении с папой, лишь через соединение (т.е. унию) с Римом может стать частью Вселенской Церкви. Именно такой подход к проблеме достижения церковного единства и стал основой идеологии униатства.

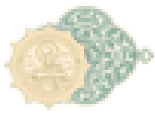
Одним из первых примеров практического применения данной экклезиологической схемы, положившим начало формированию униатской модели, стало соединение с Римом христиан восточного обряда в норманнских государствах Южной Италии в XI в. **Норманны заменяли** православных архiereев-греков латинскими епископами, подчиняя им клириков и мирян восточного обряда. Подобную схему использовали и крестоносцы — участники Крестовых походов. Необходимо отметить, что изначально практика присоединения восточных христиан к Римской Церкви через их подчинение католическим епископам «внедрялась преимущественно по инициативе светских властей, и лишь в 1215 г. такой подход к проблеме присоединения был санкционирован IV Латеранским собором»¹⁹¹.

Одной из первых (и довольно рано — в период феодальной раздробленности XIII в.) ощутила на себе проявление экспансионистской политики папства Киевская Русь, — «в 1204 г. папа Иннокентий III (1161–1216 гг.) через своих послов предложил князю Галицко-Волынскому Роману Мстиславичу принять католичество, обещая с помощью меча Петрова утвердить князя королем всей Руси»¹⁹². После монголо-татарского нашествия 1238–1240 гг. Иннокентий IV (1243–1254 гг.) дважды — в 1248 и 1254 гг. — предлагал Даниилу Галицкому (1201–1264 гг.) королевский титул (*rex Russiae*) с обещанием военной помощи против монголо-татар, но на условиях подчинения местных православных епархий Римской юрисдикции. Целенаправленная римская политика прозелитизма и близость сопредельных католических государств, Польши и Венгрии, создавали благоприятные условия для потенциального отделения епархий Галицко-Волынского княжества (1199–1392 гг.) от единой Киевской митрополии Православной Церкви на Руси. Юрий Галицкий (1301–1308 гг.), внук Даниила, укрепляя свое княжество, разоренное татарами и натиском Польши и Литвы, вступил в дипломатические отношения с Римом.

Прямым сведений о том, что Юрий Галицкий всерьез намеревался изменить религиозную ориентацию в своем княжестве, нет, однако угро-

¹⁹¹ Заборов М. В. Крестоносцы на Востоке. М., 1980. С. 184.

¹⁹² Оксик И. Ф. Уния. Исторический очерк // Львовский Церковный Собор. Документы и материалы. 1946–1981. М., 1982. С. 9.

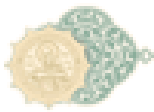
зой этого он оказывал на Константинопольский патриархат серьезное давление, требуя довольно скромной уступки — создания независимой Галицкой митрополии. Юрий Галицкий достиг своей цели — митрополит Галицкий (предположительно Нифонт) был назначен в 1303–1305 гг., при этом «греческие источники подтверждают, что епископу Галицкому был дарован статус митрополита с подчинением ему епископов Владимиро-Волинского, Холмского, Перемышлянского, Луцкого и Туровского»¹⁹³. Таким образом, уже в начале XIV в. был создан прецедент разделения единой митрополии Православной Церкви на Руси, имевший далеко идущие и очень печальные последствия в XVI–XVII вв. Хотя в 1347 г. стараниями свт. Феогноста (1328–1353 гг.) Соборным постановлением Константинопольский патриарх официально упразднил Галицкую митрополию, именно на основании прецедента ее учреждения в начале XIV века. По замечанию прот. В. Борового, «польский король Казимир Великий, овладевший Галицией в 1370 г., добился политическими угрозами учреждения особой Галицкой митрополии. С тех пор православная Галицкая Русь, отделенная от остальной Руси, находилась под польским католическим владычеством. Дальше — обычная история: преследования, уния, полонизация, католицизация в течение 600 лет — результат этого — православная Галицкая Русь исчезла»¹⁹⁴.

Безусловно, опасность, по инициативе светских правителей, возможной католической переориентации епархий Киевской митрополии, территориально находившихся в составе Литвы и Польши, осознавали и в Константинополе и на Руси. Выход был очевиден — необходимость сохранения единства митрополии Православной Церкви на Руси. Именно этим можно объяснить удивительный дипломатический компромисс, осуществленный Константинопольским патриархатом по смерти свт. Максима (1283–1305 гг.), когда предстоятелем Православной Церкви на Руси был поставлен игумен Ратненского монастыря на Волинии свт. Петр (1308–1326 гг.). Изначально Юрий Галицкий выдвинул свт. Петра в качестве митрополита для своей Галицкой митрополии, но Константинопольский патриархат утвердил галицкого кандидата митрополитом Киевским и всея Руси, чем временно положил конец и церковному сепаратизму Галицко-Волинских князей, и униональным планам папства относительно Руси.

Однако уже в XV в. единая митрополия Православной Церкви на Руси перестала существовать (как перестала существовать и Византийская империя, активно поддерживавшая ее единство). Произшедшее в 1458 г. при св. митрополите Ионе окончательное разделение

¹⁹³ Мейендорф И., протопресв. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003. С. 398.

¹⁹⁴ Боровой В., прот. Церковь Христова, ее природа. Автокефальные Поместные Церкви // ЖМП. М., 1993. № 10. С. 11.

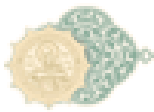
митрополии на Киевскую и Московскую явилось прямым следствием Ферраро-Флорентийской унии 1439 года. При этом, поскольку церковно-административное подчинение Константинопольскому патриархату являлось гарантией единства Православной Церкви на Руси, то объявление церковной автокефалии в 1448 г. Великим княжеством Московским (в результате измены Православию константинопольского ставленника митр. Исидора) выпадает актом вынужденным. С другой стороны, и в землях Юго-Западной Руси, находившихся в составе Литвы и Польши, как отмечает протопресв. И. Мейендорф, «в отношении Исидора... реакция была... враждебной, не только по догматическим соображениям, но и потому, что на Западе всё еще тянулась “великая схизма”. Польский король Владислав III до 1443 г., держал сторону антипапского Базельского Собора и ничем не помог Исидору, потому что тот был посланником папы Евгения IV. Поэтому в польских и литовских землях немедленно ввести унию не могли»¹⁹⁵. Сама же Ферраро-Флорентийская уния 1439 г., по выражению А.В. Карташева, «кое-как продержалась 10 лет и растаяла совершенно»¹⁹⁶. Однако ее главное негативное наследие для Руси — разделение Православной Церкви на две митрополии: северо-восточную — Московскую, и юго-западную — Киевскую, с течением времени проявив себя и сыграв ключевую роль в другой унии — Брестской (1596 г.).

Кризисная ситуация, сложившаяся ко 2-й половине XVI в. в Киевской митрополии, достаточно полно описана в исследовательской литературе. Как отмечает В.И. Петрушко, «ее причинами стали, прежде всего, сложные условия существования Православной Церкви в Польско-Литовском государстве, где господствующим вероисповеданием был католицизм. Государственная власть в Речи Посполитой не только не оказывала поддержки и покровительства Православной Церкви, как это было, например, в Византийской империи или Московском государстве, но и активно использовала материальные ресурсы Киевской митрополии в своих интересах»¹⁹⁷. Наиболее пагубным для Православия в Речи Посполитой являлось т. наз. право патроната. А.В. Карташев характеризует право патроната этого периода, таким образом: «обычное право т. наз. “патроната” (*jus patronatus*) ... по существу — это исконное в Восточной Церкви право участия мирян в церковном строительстве и церковном обеспечении... Здесь, на литовско-польской почве, это нормальное мирянское право попечения о церковной жизни приобрело

¹⁹⁵ Мейендорф И., протопресв. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003. С. 520.

¹⁹⁶ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 1. С. 546.

¹⁹⁷ Петрушко В. И. К вопросу о восприятии идеи унии западнорусскими православными епископами накануне Брестского собора 1596 г. // Вестник Церковной истории. М., 2007. №3 (7). С. 169.

специфические черты» и «на практике быстро выродилось в безграничный деспотизм»¹⁹⁸.

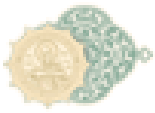
Но, с другой стороны, право патроната давало отдельным лицам, как, например, князю К.К. Острожскому, возможность оказывать существенную поддержку Православной Церкви. При этом патронат Православной Церкви в Речи Посполитой принадлежал не только отдельным лицам или отдельным родам, но и городским общинам, которые группировались для этого в церковные братства. Среди них наиболее известными являлись братства: Львовское в Галиции, Виленское в Литве и Богоявленское в Киеве. Братства принимали участие в выборе епископов и митрополитов, следили за употреблением церковного имущества и церковным управлением, протестовали против злоупотреблений епископов и вообще духовных лиц, защищали интересы Церкви перед правительством и т.п. При таком положении епископы и духовные лица зачастую тяготились вмешательством братств в церковные дела.

Первый документ, свидетельствующий о намерении епископов заключить унию с Римом, т. наз. Декларация от 24 июня 1590 г., Грамота о намерении православных архиереев перейти в унию была передана королю Сигизмунду III (1587–1632 гг.) вскоре после написания грамоты Львовского братства патриарху Иеремии. В связи с этим Б.Н. Флоря предполагает, что «данный шаг явился реакцией иерархов на стремление братств провести Собор с целью низложения недостойных епископов»¹⁹⁹. Вопрос о появлении самой Декларации до сих пор нельзя считать полностью проясненным. Достоверные сведения, которые позволили бы объяснить возникновение данной Декларации прямыми контактами православных епископов с католической стороной, отсутствуют. Тем не менее, как отмечает В.И. Петрушко, «едва ли можно видеть в униатской инициативе западнорусских архиереев спонтанную акцию. В любом случае, очевидно, что им было известно о проектах унии, задолго до этого уже выдвинутых католиками. Прежде всего, речь может идти о книге иезуита Петра Скарги “О единстве Церкви Божией”, написанной в 1574 г., а также о проекте создания униатского патриархата на территории Речи Посполитой в случае переезда сюда Патриарха Иеремии, который разрабатывался в 1580-х гг.»²⁰⁰. Инициаторам унии, помимо различных нестроений в церковно-административной жизни Православной Церкви, во многом помогало и то обстоятель-

¹⁹⁸ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 1. С. 539.

¹⁹⁹ Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в кон. XVI — нач. XVII вв. Часть I. Брестская уния 1596 г. Исторические причины события (Отв. ред. Б.Н. Флоря). М., 1996. С. 134.

²⁰⁰ Петрушко В. И. Проект создания униатского патриархата в Речи Посполитой в XVI веке и его возможное влияние на учреждение Московского Патриархата // Церковь и время. СПб., 2006. №3 (36). С. 94.

ство, что «после кончины Константинопольского патриарха Иеремии II в 1593 г. его преемник Матфей II был на патриаршестве только 19 дней; другой, Гаврил I — не больше 5 месяцев; третий, Феофан II — умер через 7 месяцев»²⁰¹. Такая частая смена патриархов, безусловно, была на руку инициаторам унии, остававшимся практически без верховной власти над собой со стороны Константинопольского патриарха.

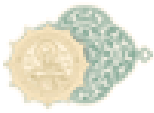
Обстоятельства, сопровождавшие принятие и введение Брестской унии 1596 г., многократно и подробно описаны и достаточно широко известны. Вкратце, ситуация сводилась к тому, что король Сигизмунд III, подтвердив легитимность Брестской унии, тем самым поставил Православие в Речи Посполитой вне закона. По польским законам, после 1596 г. Киевская православная митрополия уже не существовала. Для воспрепятствования связям с Константинопольским патриархатом Сигизмунд III издал повеление — никого из приезжающих от Константинопольского патриархата не впускать в пределы государства Польского. Данное постановление было направлено на то, чтобы лишить православных иерархии (что и было достигнуто спустя 25 лет после Брестской унии). Кроме того, не разрешалось строить православные храмы и предписывалось не давать вероисповедной свободы православным. В этот период униаты начали массовый захват православных монастырей и храмов. Так, они захватили «Выдубицкий монастырь и Софийский кафедральный собор в Киеве»²⁰². В результате этих действий королевской власти сложилась своеобразная ситуация: «униатские иерархи без паствы и православная паства без иерархов»²⁰³.

Украинская православная элита (князья, шляхта, высшее православное духовенство) в этот период находилась в состоянии национальной деградации. В первые десятилетия XVII в., по сути, завершилось вымирание ведущих княжеских родов и, частично, их полонизация. Что касается украинской шляхты, то она играла видную роль в борьбе за сохранение Православия в первое десятилетие после Брестской унии, но ее позиции постепенно слабели. Шляхта применяла легальные методы борьбы в сейме, которые оказались, в конечном счете, неэффективными. В результате этого возникла угроза, что украинцы в этот период своего национального становления останутся без ведущего, лидирующего слоя в обществе (современный украинский историк И. Лысяк-Рудницкий пишет даже о «первой смерти украинской нации уже после Люблин-

²⁰¹ Булатецкий О.Ю. Брестская церковная уния: Утверждение католицизма как государственной религии. Сопротивление православного населения Речи Посполитой (1596–1620 гг.) // Знание. Понимание. Умение. Изд. Московского гуманитарного университета и Российского гуманитарного научного фонда. М., 2008. № 6. С. 28.

²⁰² Євгеній Боховітінов, митр. Вибрані праці з історії Києва. К., 1995. С. 139.

²⁰³ Хинчевска-Геннель Т. Берестейська унія в XVII столітті. Львів, 1996. С. 91.

ской унии 1569 г.»²⁰⁴). Но, именно в этот период на историческую сцену в качестве основных защитников Православия выходят запорожские казаки, которые позднее в ответ на гонения поднимают национально-освободительную войну 1648–1657 гг.

Несмотря на то, что православное население в течение долгих лет массово отказывалось подчиняться униатским иерархам, Сигизмунд III продолжал прежнюю политику насильственного насаждения унии. Так, 22 марта 1619 г. на заседании реляционного суда по делу об отказе жителей Могилёва подчиниться униатскому архиепископу Иосафату Кунцевичу (1580–1623 гг.) он принял решение, в констатирующей части которого указывалось, что могилёвские мещане подняли бунт всем городом против Полоцкого архиепископа. Как отмечает королевский суд, «этим они нанесли оскорбление не только полоцкому владыке, но и нашей королевской власти, за что подлежат наказаниям, предусмотренным законами»²⁰⁵. Таким образом, униатская Церковь данным документом отождествляется с государственной королевской властью. Выступления православных мещан против униатского архиепископа выводятся за рамки конфессионального конфликта и характеризуются как мятеж против государства. Поэтому санкция короля следующая: «несколько наиболее видных и виновных бунтовщиков... казнить»²⁰⁶.

В этот же период по всей Европе делает поразительные успехи движение Контрреформации, — период католического возрождения XVI–XVII вв. Принято считать, что «Контрреформация началась во времена папы Пия IV (1559–1565 гг.) в 1560 г. и продолжалась до 1648 г. — момента окончания Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) и заключения Вестфальского мира, заложившего основы современного международного права... Контрреформация включала в себя широкий спектр усилий по борьбе с протестантизмом... Итог Контрреформации подвел Тридентский Собор (1545–1563 гг.), принявший решение об отвержении протестантизма, о поддержке тех, кто боролся против Реформации, а также провел реформу центральной католической власти, утвердив власть Папы как непререкаемую и унифицировал богослужение»²⁰⁷. Следствиями принятых на Тридентском соборе решений, помимо обновления Католической Церкви и усиления власти Римского папы, и явилось усиление католической миссионерской деятельности. В связи с чем вновь возникает идея церковной унии»²⁰⁸.

²⁰⁴ Лисяк-Рудницький І. Формування Українського народу і нації. (Методологічні зауваги) // Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. К., 1994. Т. 1. С. 10.

²⁰⁵ Социально-политическая борьба народных масс Белоруссии. Кон. XIV в. — 1648 г. Сборник документов и материалов. Мн., 1988. Т. 1. С. 206–207.

²⁰⁶ Там же. С. 207.

²⁰⁷ Смирнов М. Ю. Реформация и протестантизм. Словарь. СПб., 2005. С. 153–155.

²⁰⁸ Ковальский Я. В. Папы и папство. М., 1991. С. 162.

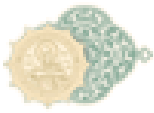
Однако, как отмечают сами адепты унии, «т. наз. «контрреформация» после Тридентского Собора меняет благосклонную атмосферу к восточным Церквям. В Латинской Церкви наблюдается сильная тенденция к централизации и униформности... Идеал единства латиняне видят в однозначности и единообразии веры и обряда, т. е. в формах культа. Дух Тридентского Собора остро выступал против всех ересей и схизм. Образовалась атмосфера объединения всех в крепкую однородную структуру, возникло желание возвращать всех заблудших и отпавших от этого единства... Так началась латинизация и тенденция подгонять другие обряды к латинскому. Такое направление, к сожалению, было вплоть до II Ватиканского Собора; оно, наверное, будет жить еще какое-то время в умах тех, кто усвоил посттридентский дух абсолютного единообразия и вражды против здорового плюрализма... Это очень важный пункт, от которого зависели не отдельные события в жизни Восточных Церквей, т. н. «уний», а, в частности основные события в нашей (Греко-Католической — В. К.) Церкви»²⁰⁹.

Это замечание униатского исследователя свящ. И. Хома по поводу отношения католицизма к обрядовой стороне является очень важным. В 1622 г. в Риме в присутствии польского католического духовенства решался вопрос целесообразности сохранения в унии греческих обрядов. Несмотря на возражения поляков, сохранение обрядов сочли необходимым. Позднее апостольский нунций в Польше Ланчелотти в своем письме к секретарю Конгрегации распространения веры кардиналу Инголи от 8 марта 1625 г. писал: «Пусть будет Вам известно, что, говоря о заешних униатах, так они всем надоели, и самим православным. Уния действительно существует, однако она незначительна, не развивается и не будет развиваться в ближайшее время. Состоит из 49 монахов и митрополита... Я уверен, что митрополит (Рутский) мною недоволен, потому что я не опубликовал декрет о переходе (о запрете смены обряда), но я не знаю, что мне делать? Буду иметь весь мир против себя. Однако я приказал провинциалам иезуитов, доминиканцев и бернардинцев, чтобы не переманивали униатов на наш обряд и если кто-либо склоняется (к нам), то пусть утверждают его в унии. Это всё, что можно сделать. Если бы король не был такой стойкий в поддержке унии, то ее давно уже не было бы»²¹⁰. В ответ на это письмо Конгрегация выслала нунцию Ланчелотти инструкцию, заверенную папой Урбаном VIII (1623–1644 гг.), приверженцем униальной политики, в которой сказано, что унии необходимо поддерживать всеми средствами, исходя из двух главных причин: во-первых, потому, что через русских можно обратить несоединенных в Московии, Литве, Молдавии и др., а во-вто-

²⁰⁹ Хома І., о., д-р. Київська митрополія в Берестейськм періоді. Рим, 1978. С. 7–8.

²¹⁰ Уния в документах. / Авт.-сост. В. А. Теплова, З. И. Зуева. Мн., 1997. С. 68.

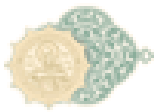

рых — на примере унии Греческая Церковь охотнее пойдет на сближение, когда будет видеть, что Римская Церковь осуждает не греческий обряд, а лишь различие в догматах. Также в данной инструкции предполагалось уделять особое внимание образованию будущего униатского духовенства.

Миссию духовного просвещения и пропаганды унии, по мысли ее главных организаторов, должен был осуществить орден базилиан. Само название ордена и его устав показательным образом были скопированы с известных правил свт. Василия Великого для монашествующих. Но действительное содержание монашеского устава являлось копией с католических орденов. Базилианские монастыри возникли от преобразования по римско-католическому образцу православных монастырей по инициативе второго униатского митрополита Иосифа Вельямина Рутского (1574–1637 гг.). Влияние католичества на орден было видно уже на первых порах его существования: сам Иосиф Рутский был в Риме и просил у папы прислать нескольких монахов-кармелитов для реформы монастырей на Руси, но, не желая оскорбить религиозное чувство народа, который посмотрел бы недружелюбно на присутствие и руководящую роль римских монахов в греческих монастырях, требовал, чтобы кармелиты пришли в одежде восточных монахов, не стригли волос на голове и борода, и исполняли всё по обряду греческому.

Захваченный в 1605 г. у Виленского братства Троицкий монастырь определен был стать главой перевоспитываемого униатского монашества. Все другие захваченные в унию православные монастыри подчинены были Троицкому Виленскому монастырю как главе всего монашества. Подобно другим орденским монастырям, базилиане были поставлены в независимое положение от местных епархиальных архиереев. Они подчинялись непосредственно особому прокуратору в Риме. В Базилианский орден стали вливаться и чистые латиняне, даже иезуиты. Это не было секретом, наоборот, — это было своего рода открытым подвигом восполнения невежественного униатского духовенства. Поскольку главной задачей базилиан было школьное воспитание униатского народа, а для этого, в свою очередь, было необходимо поднятие образовательного уровня самих базилиан, то по предварительным соглашениям с Римом, для этой цели было ассигновано достаточное количество стипендий в католических семинариях Запада. Другое очень важное и характерное постановление этой конгрегации сводилось, по существу, к отнятию от униатских епископов их верховной власти и к передаче ее в руки ордена. Митрополит не имел права назначать себе викария как своего естественного преемника, без согласия ордена. В период возглавления ордена базилиан Иосифом Рутским, по замечанию А.В. Карташева, «в базилианский орден влилось множество чистых латинян, особенно на должно-

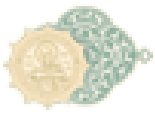
сти многочисленных школьных учителей, быстро воспитавших толпы латинизированных русских юношей, с увлечением помогавших не только латинизовать ходячую доктрину православия для народа, но и сами церковные обряды, о чем мечтал Ипатий Потей»²¹¹.

В начале своего существования базилианам принадлежали захваченные православные монастыри только в епархиях, непосредственно подчиненных главному униатскому деятелю Ипатии Поцею (1541–1613 гг.), но уже в 1616 г. Иосиф Рутский добился у Сигизмунда III подтверждения грамоты 100-летней давности, данной Сигизмундом I в 1519 г. о подчинении и подсудности Киевскому митрополиту всего духовенства греческого обряда в Польше. На основании этой грамоты Иосиф Рутский (являвшийся униатским «митрополитом Киевским») расширил пределы своей деятельности. С 1635 г. Базилианский орден получил очень важную привилегию, по которой епископами должны быть избираемы исключительно монахи-базилиане. Естественно, что епископы или митрополиты из числа монахов-базилиан активно содействовали присоединению монастырей к Базилианскому ордену. Как следствие — последовало постепенное поглощение православных монастырей, находившихся за границами Литвы, и, таким образом, к концу жизни Иосифа Рутского (1637 г.) «в Базилианском ордене числилось уже до 40 базилианских монастырей, а именно: Виленский, Полоцкий, Минский, Новогрудский, Супрасьский, Черейский, Брацлавский, Могилёвский, Пустынский, Мстиславский, Смоленский, Черниговский, Троцкий, Гродненский, Черлонский, Кобринский, Лещинский, Жировицкий, Бытенский, Жидчинский, два Дубенских, Дерманский, Дорогобужский, Шумский, Стоянский, Доброгорский, Лавришовский, Красногорский, Пинский и Холмский. Потом еще несколько монастырей приняли базилианский устав, но уже в этом же XVII в. во время политических смут, происходивших в это время в Польше, одни из базилианских монастырей (Онуфриевский, Брацлавский. Полоцкий, Мстиславский, Пустынский, Смоленский, Черниговский) отошли навсегда или на время под власть московского государя и были отторгнуты от ордена; другие (Онуфриевский, Брацлавский. Полоцкий, Мстиславский, Пустынский, Смоленский, Черниговский) были разорены московским войском и казаками; наконец, некоторые (Рожанский и Холмский) добровольно на время уступались православным»²¹².

При рассмотрении географического положения приведенных в цитате базилианских монастырей невольно обращает на себя внимание тот факт, что на территории, контролируемой Войском Запорожским

²¹¹ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 2. С. 63.

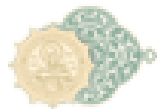
²¹² Петров Н. Очерк истории Базилианского ордена в бывшей Польше // Труды Киевской Духовной Академии. К., 1870, май. С. 436.

(т.е. казачеством — единственной реальной силой, которая могла противостоять унии), они не возникали, а на сопредельных с Московским царством территориях — существовали недолго и, следовательно — основой их существования являлась защита государственной власти Речи Посполитой, где противодействие унии рассматривалось как государственное преступление. Этим же покровительством и активной поддержкой государственной власти объясняется захват базилианскими монастырями православной собственности как основы их материального процветания и миссионерской деятельности (в частности, захват монастырских поместий и типографий). При этом «успех» пропаганды унии среди православного населения, поставленного в условия невозможности противодействия ей под страхом смертной казни (как это было, например, в случаях с действиями униатского архиепископа Иосафата Кунцевича), который являлся, преимущественно, миссионерской заслугой монахов-базилиан, был, по сути, предрешен. Таким же закономерным выглядит и массовый отход от унии и присоединение униатов к Православной Церкви в XIX в., когда уния лишилась государственной поддержки. Причем этот процесс был массовым не только на территории Российской империи (где для царского правительства вопрос церковного воссоединения униатов являлся далеко не главным), но и в странах, где существует значительная украинская и белорусская диаспоры (США, Канада и др.). Нежизнеспособность унии, вероятно, осознавали уже ее инициаторы. Именно этим объясняется тот факт, что оба сына одного из самых активных приверженцев и насадителей унии Ипатия Поцея были «не униатами восточного обряда, а католиками-латинянами»²¹³.

Таким образом, можно говорить о том, что Брестская уния 1596 г. являлась не результатом соборного поиска общей еклeзиологической основы для объединения Восточной и Западной христианских традиций, а полным отвержением православной позиции со стороны заключивших унию епископов и переходом на принципы католицизма. Уния явилась для Киевской митрополии не актом смены юрисдикции Константинопольской на Римскую, а реальным переходом в католицизм восточного обряда, с принятием всего католического вероучения и сохранением одной лишь восточной богослужебной традиции. По этой причине для святого престола, по сути, не имел абсолютно никакого значения не только православный, но и униатский Брестский собор 1596 г., т.к. он был призван не обсудить, а провозгласить унию. При этом сам характер Брестской унии 1596 г. хотя и не создавал впечатления присоединения Поместной Церкви, но позволял полностью игнорировать неприятие униатства со стороны подавляющего большинства православных.

²¹³ Афанасий (Мартос), архиеп. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. Мн., 1990. С. 137.

Касаясь же непосредственно богословского аспекта Брестской унии 1596 г., уместно привести слова архиеп. Августина (Маркевича), который считает, что «униатство представляется феноменом с отсутствием диалектической связи между его содержанием и формой. Отсюда также с неизбежностью следует вывод об исторической бесперспективности униатства. Активизация униатства в современной Украине связана исключительно с политическим фактором, и можно полагать, что, когда политическая ситуация в стране стабилизируется, униатам закономерно придется решать вопрос о своей потерянной идентичности. В этом случае возможны только два пути решения этого вопроса: 1) полностью признать себя католиками и прекратить спекуляции на тему “моста между Востоком и Западом”; 2) отказаться от латинского влияния и полностью вернуться к Православной вере. Очевидно, что никакого третьего, собственного, пути у богословски бесплодного униатства нет»²¹⁴.

---

²¹⁴ Августин (Маркевич), архиеп. Униатство: богословские аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад, 2007. С. 35–36.